

ПРУССКИЙ СОЦИАЛИЗМ И КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Предисловия и послесловия к трудам «классиков» вряд ли нужны тем, кто и без них хорошо знаком с их творчеством; невеждам они тем более не нужны, да они, скорее всего, и не станут читать первоисточник - можно обойтись словарем или учебником (если вообще есть потребность что бы то ни было знать). Мы исходим из того, что прочитавший эту книгу имеет представление о философии истории Шпенглера, даже если и не одолел целиком «Закат Европы», быть может, знаком и с небольшой книжкой «Человек и техника», но, скорее всего, не владеет в достаточной степени немецким языком, чтобы познакомиться с другими трудами Шпенглера и произведениями его современников. В кратком послесловии мы не станем излагать содержание таких не переведившихся у нас работ, как «Годы решения» или вышедших посмертно рукописей («Перво-вопросы»). Вряд ли стоит углубляться и в биографические детали. Разумеется, я не отрицаю основного принципа традиционной герменевтики, а именно понимания целого из частей, а каждой части из целого; применительно к «Пруссачеству и социализму» это означает, что данное произведение можно было бы «вписать» в контекст жизни автора, сопоставить с прочими его текстами, показав, например, как «социализм» у Шпенглера вляется в общую картину эпохи цезаризма, выступая как орудие воли к власти (либо насколько он морфологически соответствует сходным явлениям античности, вроде стоицизма); можно было бы, далее, связать политическую философию Шпенглера с его философией техники, сравнить с другими учениями, относимыми к «философии жизни» и т.д. Шпенглер был оригинальным философом, но ни один мыслитель не творит свою систему «из ничего». Шпенглер был наследником Ницше, он был в общих чертах зна-

ком с учением Данилевского - список таких «влиятельных» можно было бы продолжить. Все сопоставления такого рода уже не единожды осуществлялись историками философии, взгляд которых неизбежно обращается к развитию немецкой мысли, привязке идей к тем или иным обуславливающим их мотивам. Поскольку Шпенглер был не только философом, но чрезвычайно влиятельным публицистом, то для полноты картины мне понадобилось бы подробное изложение двух томов публицистики Шпенглера, с учетом изменений его политических позиций на протяжении всего периода Веймарской республики, разбор сложных взаимоотношений с целым рядом других мыслителей и политиков, вплоть до последних лет его жизни, т.е. до того момента, когда его «культурпессимизм» стал объектом критики ранее ему симпатизировавших (правда, без взаимности) национал-социалистов.

Однако «Пруссачество и социализм» представляет собой работу, которая была написана в 1919 г. вскоре после подписания Версальского договора и провозглашения Веймарской республики. Это эссе является одним из первых документов «консервативной революции» и большинство читателей этой книги составляли те, кто не интересовался философией и не читал вышедшего к тому моменту первого тома «Заката Европы». Сам Шпенглер хорошо понимал то место, которое занимает «Пруссачество и социализм» в публицистике того времени. В предисловии к сборнику своих политических трудов (Oswald Spengler, Politische Schriften. Volktausgabe. C.H. Beck. - Munchen, 1933) он так писал о происхождении «Пруссачества и социализма»: «Так переживалась нами самая глупая и самая трусливая, самая безыдейная революция в мировой истории. Из отвращения и ожесточения по ее поводу летом 1919 года возникла книга "Пруссачество и социализм", содержащая в себе ставшее знаменитым описание этой революции, вызвавшее крики ненависти и мне никогда не прощенное. С этой книги начинается национальное движение». Это «движение» получило впоследствии наименование «консервативная революция», а одним из его основных тезисов (или даже лозунгов) было намеренное Шпенглером соединение консерватизма и социализма в борьбе с либерализмом и парламентаризмом, с той «внутренней Англией», которая способствовала поражению Германии в мировой войне. То, что социалистическая критика капитализма восходит к консервативной, не является секретом для историков поли-

тической мысли - достаточно открыть «Коммунистический манифест», в котором описываются предшествующие марксизму варианты социализма, идеализирующие те или иные средневековые социальные формы. Первые политические альянсы между консерваторами и социалистами встречаются уже в 1830-е гг. во Франции. В Веймарской Германии возникло множество концепций, политических союзов, клубов, партий, которые по-разному выражали одно и то же основополагающее стремление к синтезу консерватизма и социализма («прусский социализм», «немецкий социализм», «национальный социализм», «солдатский социализм», «национал-социализм»). Именно в этом контексте становятся понятными многие положения Шпенглера, которые вне его могут показаться надуманными и произвольными.

«Консервативная революция» не является реализацией какой-то философской идеи или школы, это явление не столько философии (или даже политической философии), сколько политической жизни Германии в определенный период времени. Можно сказать, что в Германии это идейное течение возникло и получило широкое распространение в период между двумя массовыми феноменами. В августе 1914 г. миллионы немцев поют на улицах «Deutschland, Deutschland ueber alles»; вечером 30 января 1933 г. миллионы поют на улицах «Хорст Вессель»: «Die Fahne hoch, die Reihe tief geschlossen, SA marschier mit ruhig festen Schritt». А между этими двумя событиями были мировая война, революция 8 ноября 1918 г., Баварская советская республика и путч Каппа, инфляция 1923 г., Раппало и Локарно, планы Дауэса и Янга, экономический кризис 1929 г., агония Веймарской республики и множество других событий. Но кроме экономической и политической истории Германии (а у нее были свои предпосылки и в бисмарковском рейхе, и много раньше), можно было бы обратиться и к истории ментальностей, ибо «консервативная революция» была идейным выражением менталитета двух поколений немцев, и к истории идей, и к истории литературы - ведь популярности словосочетания «консервативная революция» поспособствовали два таких «классика», как Томас Манн и Гуго фон Гофмансталь, а одним из главных ее идеологов был Эрнст Юнгер.

К этому добавляется еще одно обстоятельство: сходные идеи и концепции обнаруживаются практически во всех европейских

странах. Социал-империализм ряда теоретиков Фабианского общества в Англии, учение о «пролетарских и капиталистических нациях» итальянских националистов, «интегральный национализм» Мориса Барреса и «Action Francaise» Шарля Морраса во Франции, доктрина Hispanidad (не только у испанских традиционалистов, но и у Мигеля де Унамуну) - все эти идеи перекликаются с тем, что думали и писали немецкие авторы. Помимо сопоставления собственно политических идей возможны и иные сравнения, скажем, романов Юнгера с произведениями молодого Мальро или с «Цитаделью» Сент-Экзюпери, либо соотнесение живописи Neue Sachlichkeit с психологией Jugendbewegung или Voelkisch. Все эти сопоставления правомерны, но данное предисловие не должно превращаться в рассказ о немецкой или даже европейской истории первой трети XX в. Ограничимся краткой характеристикой «консервативной революции» в Германии и тех политических проектов, которые в большей или меньшей мере были связаны с «прусским» или «немецким социализмом».

Парадоксальное словосочетание «консервативная революция» впервые было употреблено в Германии Томасом Манном в предисловии к антологии русских писателей в 1921 г. - оно однажды было употреблено Достоевским в «Дневниках писателя». Манн вряд ли знал, что Достоевский имел в виду дискуссию 1870-х гг. по поводу книги русского отставного генерала Фадеева, впервые использовавшего это словосочетание. В этой дискуссии принял участие известный славянофил Самарин, и Манн считал, что это выражение вышло из круга русских славянофилов, хотя в действительности Самарин весьма критически отнесся к проекту генерала, для которого «консервативная революция» означала усиление роли аристократии при известном ограничении центральной бюрократической машины, а тем самым и монархической власти. Популярность в Германии это слово обрело позднее, после речи «Das Schriftum als geistiger Raum der Nation» (1927) другого писателя, Гуго фон Гофмансталя, в которой говорилось о духовных поисках молодого поколения, о стремлении к Gemeinschaft, которое ведет к пересмотру идей не только Просвещения, но даже Ренессанса и Реформации. Речь завершалась словами: «Процесс, о котором я говорю, есть не что иное, как консервативная революция - невиданного в европейской истории размаха. Ее целью является форма, новая немецкая действительность, в кото-

рой сможет соучаствовать вся нация». Эта речь была вовсе не политической - речь шла о духовном единстве немецкой нации - она лишь дала имя тому, что уже существовало под другими наименованиями: «Третий Рейх», «новый национализм», «революция справа» и прежде всего «идеи 1914 года».

Хотя у «консервативной революции» было много предшественников - достаточно вспомнить Ницше и Буркхардта - как некая целостная идеология она формируется именно во время Первой мировой войны. Немалую роль здесь сыграли представители правого крыла социал-демократической партии (Кунов, Ленш, Винниг), и в особенности И. Пленге, выпустивший в 1916 г. книгу «1789 и 1914. Символические годы в истории политического духа». Ранее по-немецки вышла книга шведского юриста Р. Кьеллена «Идеи 1914 года», в которой эти идеи противопоставлялись «идеям 1789 года». Пленге писал: «С 1789 года в мире не было такой революции, как немецкая революция 1914 года - революция собирания и организации всех государственных сил XX века против революции разрушительного освобождения в XVIII веке».

Центральной мыслью Пленге было то, что война привела к истинной революции, причем революции социалистической. «Социализм есть организация», он предполагает плановое хозяйство и дисциплину, он кладет конец эпохе индивидуализма. Нация стала единым организмом, и это ведет к пересмотру представлений о свободах и правах. За лозунгами: «Свобода - в организации! Равенство - в организации! Братство - в организации!» стояла политическая теория, восходящая к «закрытому государству» Фихте и интерпретация марксизма в духе правого гегельянства. Государство как дифференцированная тотальность, плановая экономика, требующая уничтожения идей либеральной эпохи - вот центральные положения Пленге. Им принадлежит универсальное будущее: «Нам принадлежит XX век. Как бы ни завершилась война, мы являемся образцовым народом. Наши идеи будут определять жизненные цели человечества». Это предсказание Пленге реализовалось лишь отчасти, в виде советского коммунизма - в своих статьях 1918-1919 гг. Ленин откровенно писал, что образцом для русского коммунизма должна служить немецкая централизованная военная экономика. Он ссылался в то время именно на нее, а не на какие-то традиции русского «мира».

Вальтер Ратенау был не только одним из организаторов военной плановой экономики, но одновременно ее теоретиком: его книги 1912-1917 гг. содержат целый ряд положений, которые будут воспроизводиться практически всеми теоретиками «консервативной революции» (включая теорию индустриального общества и философию техники - идея «механизации» и плановой регуляции не только экономики, но и всех сфер жизни). Ратенау пишет о том, что государство перестает быть классовым в условиях плановой экономики. Государство предстает как «второе, расширенное и бессмертное Я человека», как воплощение воли Gemeinschaft. У Ратенау обнаруживается даже основная идея Карла Шмитта: определение политического через оппозицию «друга» и «врага». Любопытный разговор произошел впоследствии между двумя участниками покушения на Ратенау, один из которых говорит другому (Эрнсту фон Заломону): «По существу, мы убили одного из наших. Он же был настоящим фашистом!» Ни фашистом, ни тем более национал-социалистом Ратенау, конечно, не был, и убили его за то, что он был сторонником *Erfuellungspolitik*, то есть выполнения условий Версальского мира. Но как практик он сыграл в 1922 г. важную роль в формировании той политики, которая получила наименование *Ostorientierung* - именно он, будучи министром иностранных дел, подписал договор с Советской Россией в Рапалло.

К «идеям 1914 года» имеют прямое отношение книги двух мыслителей, которые сыграли значительную роль в формировании «консервативной революции». Это «Гений войны» и «Причины ненависти к немцам» Макса Шелера и «Герои и торгаши» Вернера Зомбарта. В них мы находим ряд оппозиций, которые станут общим местом в сотнях книг и статей в 20-е гг. Прежде всего это противопоставление немецкой *Kultur* и англо-французской *civilization* - оппозиция эта существовала с конца XVIII в. (впервые она была сформулирована Кантом), а также коррелятивная ей оппозиция Германия - Запад (впервые она получила выражение в полемике Гердера против французского Просвещения). Эти оппозиции были общим местом немецкой публицистики начала XX в. - мы находим их и у авторов, которые были достаточно далеки от «консервативной революции». Особенностью работ Шелера и Зомбарта является антибуржуазность, антикапитализм, ибо капитализм, индивидуализм, либерализм, утилитаризм, позитивизм, торгашество и т.д. суть порождения «английского духа». Для Зомбарта «немец-

кое мышление и немецкое чувство заявляют о себе прежде всего как решительное отрицание всего того, что хоть как-то напоминает английское или западноевропейское вообще мышление и чувство», поскольку немец отвергает утилитаризм и эвдемонизм, пользу и наслаждение во имя воли и духа, долга и преданности, самопожертвования и героизма. Мировая война представляет собой схватку двух человеческих типов: героя и торгаша. Капитализм чужд немецкому духу. В докладе Шелера «Христианский социализм как антикапитализм», сделанном вскоре после революции 1918 г., выдвигается идея «национального государственного социализма». Шелер пишет о необходимости союза с Советской Россией в борьбе против Запада, а целью Германии провозглашается «антикапиталистическая политика». Итогом войны является поражение не только Германии, но и всех европейцев - войну выиграла Америка, а это на время дает господство «капиталистическому типу человека и хозяйства», тогда как все остальные нации делаются «в большей или меньшей мере рабами, даже пролетарскими нациями по отношению к англо-американскому капитализму». Но время этого капитализма завершается, ибо «капитализм есть эпизод мировой истории, он пришел не так уж надолго». Это - идол Маммоны и извращение человеческой природы.

Самое яркое выражение «идей 1914 года» мы обнаруживаем у великого немецкого писателя, Томаса Манна. Именно у него в «Размышлениях аполитичного» этот комплекс идей впервые увязывается с консерватизмом, который понимается как противостояние Западу. На протяжении всей этой огромной книги Манн непрерывно цитирует Достоевского, называет его «пророком»; хотя Германия и Россия находились в состоянии войны, Манн пишет о союзе Германии и России как о «мечте своего сердца» (вопреки пропаганде того времени, в которой Россия именовалась не иначе как «варварская страна»). Этот союз, по Манну, должен быть направлен против наступающего англосаксонского мира с его прагматизмом и утилитаризмом (в конце книги Манн пишет по-английски: «The world is rapidly becoming English»). Немцев и русских роднит близкое понимание человека и человечности, отличное от латинского и англосаксонского. Манн ставит вопрос о сходном противостоянии традиций этих двух стран Западу и спрашивает: «Разве у нас нет наших западников и наших славянофилов?» Тех, кого он презрительно именуется «литераторами»

(включая и собственного брата Г. Манна, с которым были на несколько лет прерваны все отношения), Манн относит к «западникам», т.е. к тем, кто хотел бы разрушить Германию. Славянофильство в России Манн оценивает по негативному содержанию, как реакцию на Запад, а по позитивному - как консерватизм. Именно такова его собственная позиция - консервативное противостояние Западу. Английская и французская пропаганда времен войны изобиловала штампами: «цивилизация» - «варварство» (либо «цивилизация» - «пруссский милитаризм» и т.п.). Еще в статье «Мысли во время войны» (1914) Манн саркастически замечал: французы полвека кричали о реванше, но когда дело дошло до войны, то вспомнили о «цивилизации». Они сделали Реймс крепостью, расположили пушки рядом с собором, а после того, как немцы стали отвечать на огонь этих пушек и разрушили собор, поднялся плач о «цивилизации», которой грозят «варвары». Но ведь средневековые соборы давно перестали быть частью их «цивилизации», с точки зрения которой церкви принадлежат к векам «фанатизма и предрассудков».

Эта «цивилизация» с ее демократией и «правами человека» насквозь фальшива и лицемерна. Национальная тема совпадает в «Размышлениях аполитичного» с консервативной: «Политический дух демократического Просвещения и «человечной цивилизации» не только является душевно чем-то антинемецким; он с необходимостью оказывается также повсеместно враждебным Германии». Истинным духовным врагом Германии является даже не Франция, реваншизм которой все же национален, а потому хоть как-то оправдан; настоящий враг - Англия и ее агенты, сторонники «гуманности» и «цивилизации». К этим агентам относятся и «deutsche Sapadniki», которые желают тотального изменения национального характера немцев. За образец берется «мировая демократия», «империя цивилизации», «общество человечности», целью которых, однако, является исчезновение немецкого духа. Война поэтому определяется Манном как «консервативное сопротивление прогрессу», который Манн иронически и с явной отсылкой к Ницше называет «прогрессом от музыки к демократии». Войну Манн приветствует как открытую борьбу с этой цивилизацией - с плоскогуманной, тривиально-декадентской, феминистски-элегантной Европой, «литературной как парижская кокетка», ставшей «слишком человеческой»; это война с «цивилизацией танго и тустепа», дели-

чества, прикрытого высокими словами о правах и свободах. Эта цивилизация уже начала завоевывать Германию до войны, и война есть «восстание Германии против западного духа», дошедшего до нигилизма в результате Просвещения и демократического прогресса. Мир демократии, партийной политики, прав человека и прочих «идей 1789 года» признается им антинемецким, ибо Германия по духу своему консервативна и аполитична.

Еще четче основные темы консервативной революции выступают в его дневниках 1918-1921 гг. Я приведу лишь две записи конца 1918 года: «Меня ужасают анархия, господство черни, пролетарская диктатура со всеми сопровождающими явлениями и вытекающими из нее следствиями а la russe. Но моя ненависть к ритору-буржуа должна была бы привести меня к желанию большевизации Германии, ее присоединения к России... Национально отчужденный социализм... Вот немецкая задача - найти нечто политически новое in politicis между большевизмом и западной plutократией». В дневниковых записях за 1918-1919 гг. такого рода рассуждения встречаются неоднократно: ненависть к Антанте пересиливает неприязнь к большевизму (которая у обитавшего в Мюнхене в период Баварской советской республики Манна была самой непосредственной). В дальнейшем Томас Манн отходит от этих идей, становится одним из виднейших защитников республики, даже сторонником социал-демократии, а в начале 1950-х гг. он чуть не стал лауреатом Сталинской премии. Как идеи «консервативной революции» повлияли на литературные произведения Манна - это отдельная тема, причем речь должна идти не только о «Волшебной горе», но и о тетралогии «Иосиф и его братья».

«Пруссачество и социализм» Шпенглера стоит в одном ряду с такими произведениями, как «Третий Рейх» А. Меллера ван ден Брука, «Революция справа» Х. Фрейера, «Господство неполноценных» Э. Ю. Юнга, «Рабочий» Э. Юнгера - каждая из этих работ заслуживает детального анализа, равно как экономические труды В. Зомбарта, политическая философия К. Шмитта или философия техники Ф. Юнгера. Мне приходится говорить о консервативной революции в целом, а это предмет продолжительных дискуссий немецких историков. Начало этим спорам положила книга Армина Молера, который первым употребил это словосочетание в духе социологии знания или политической науки для обозначения не идей и лозунгов 1920-1930-х гг., но как характеристику большой

социальной группы - правых интеллектуалов, членов множества небольших политических партий, клубов, редакций нескольких десятков газет и журналов.

Конечно, мы точно так же употребляем слова либерализм, социал-демократия или анархизм для характеристики не только идей и программ, но и тех партий и групп, которые являются носителями этих идей. Но в случае «консервативной революции» ситуация является куда более сложной, поскольку общим для всех были только неприятие Версальского договора и Веймарской республики, критика экономического и политического либерализма и парламентаризма. Но кто только не критиковал Веймарскую республику — не только коммунисты или нацисты были ее врагами, но и Deutschnationale Volkspartei Гугенберга, правое крыло в католической партии Zentrum, да и социал-демократов с их тогдашней ортодоксально-марксистской программой трудно представлять убежденными сторонниками либерализма и парламентаризма. Веймарскую республику не раз называли «республикой без республиканцев», президент которой Гинденбург был убежденным монархистом. Столь же мало говорит о «консервативной революции» типичное в нынешней леволиберальной историографии обвинение в «национализме». Сегодняшние либералы забывают о том, что немецкий национал-либерализм конца XIX - начала XX в. (с такими союзами, как Alldeutscher Verband, Flottverein или Kolonialgesellschaft) можно куда в большей степени считать источником нацизма, чем немецкий консерватизм или социализм. Националисты были во всех партиях Веймарской республики, включая и марксистов с их интернационализмом (Hofgeismarkreis у «молодых социалистов», «курс Шерингера» у коммунистов), а идеология «консервативной революции» отличалась и от нацистской, и от DNVP Гугенберга именно тем, что «нация» отвергалась во имя «империи».

Молер отнес к «консервативной революции» пять групп: Voelkisch, Buendnisch, Jimgkonservative, Revolutionaere Nationalisten, Landvolkbewegung (впоследствии он исключил последнее - движение крестьян Северной Германии). Эта классификация в дальнейшем не раз воспроизводилась, уточнялась, подвергалась критике. Сам Молер был вынужден релятивизировать даже свой центральный тезис относительно основополагающей философской идеи, которую он поначалу считал общей для всей «консерватив-

ной революции» - «вечное возвращение» Ницше. На наш взгляд, его классификация является совершенно искусственной, поскольку практически все идеологи консервативной революции в молодости были Buendnisch (предвоенное Jugendbewegung), все они в той или иной степени были Voelkisch и провозглашали «Nation in Gemeinschaft!», все считали себя консерваторами и революционерами в одно и то же время. Заслугой Молера является то, что он собрал огромный фактический материал и первым обратил внимание на социальную и психологическую общность военного поколения.

Типичным представителем «консервативной революции» был вообще не кабинетный ученый или партийный доктринер, но «человек действия», достаточно образованный для того, чтобы в промежутки между теми или иными схватками написать несколько статей, роман, философское эссе, а затем снова взяться за оружие. Среди сотен приводимых Молером биографий имеются просто поразительные по авантюризму и готовности братья за оружие. Это поколение тех гимназистов и студентов, которые добровольцами пошли в армию во время войны, затем во Freikorps сражались в Прибалтике и Польше, подавляли Баварскую советскую республику, участвовали в подпольных и даже террористических организациях. Небольшая часть их в дальнейшем примкнула к национал-социализму, некоторые стали коммунистами, но в большинстве своем они входили в небольшие организации и движения, враждебные как коммунизму, так и нацизму. Приведем лишь одну характерную биографию: Беппо фон Рёмер, глава военизированного Bund Oberland, вернувшись с фронта участвовал в подавлении Баварской республики и в боях с поляками в Верхней Силезии, но в дальнейшем сотрудничал с национал-большевизмом Никиша (кстати, видного деятеля в Баварской республике), затем поддерживал Landvolk под знаменами крестьянской войны 1925 г., стал коммунистом, принимал участие в Сопротивлении, готовил покушение на Гитлера, за что и был расстрелян в 1944 г.

Среди представителей «консервативной революции» были как «левые люди справа», так и «правые люди слева». Их объединяет не только неприятие либерализма и парламентаризма, но и прежнего консерватизма. У них нет ни малейшей ностальгии по монархии и кайзеру, сословные предрассудки им чужды - сословия были отменены фронтовым братством. Они охотно цитируют

Гераклита: «Война - отец всего» и говорят о борьбе, решимости, подлинности - в трудах Юнгера, Хайдеггера и Шмитта эти убеждения обретают черты философских и политических доктрин. Они убеждены в том, что прежние немецкие элиты отжили свое и должны освободить место, новой. От прежнего консерватизма их отличает не только желание избавиться от сословий и классов, которые препятствуют Gemeinschaft, но и отвержение обычного для консерватизма обоснования земной иерархии ссылками на небесную, на извечно установленный божественный порядок. Вслед за Ницше они отвергают «удвоение мира» и трансцендентный моральный порядок.

Идеи Ницше обретают черты активистской идеологии, основой которой является презрение к мирному буржуа с его прозаическим стилем существования, банальными эстетическими вкусами и мещанской моралью. Не только старые консерваторы и либералы, но и вожди социал-демократии оказались тупыми мещанами, на них лежит ответственность за проигранную войну и позорный Версальский договор, они являются «агентами Антанты» в Германии. «Немецкую революцию осуществили либеральные, а не революционные люди, в этом ее проклятие», - утверждал Меллер ван ден Брук в «Третьем Рейхе». Сразу после подписания Версальского договора он писал даже так: «Когда 9 ноября по стране был спущен черно-бело-красный флаг, то 10 ноября на его месте должен был развеваться красный флаг, чтобы вести на бой с капитализмом пролетариев и довести борьбу до конца». Шпенглер был совсем не одинок в оценке ноября 1918 г. как национального позора: революции ведут к подъему жизненной энергии, к готовности вести борьбу не на жизнь, а на смерть, тогда как в Германии победили трусы, болтуны и предатели. В момент отречения кайзера будущий первый президент Веймарской республики, марксист Эберт, сказал: «Я ненавижу революцию как грех». Вожди социал-демократии оказались лучшими слугами либерализма, который был так изображен Меллером: «Либерализм хоронил культуры. Он уничтожал религии. Он разрушал отечества. Он был саморазложением человечества». Немецкие консерваторы приходят к мысли о неизбежности социализма, поскольку либеральный капитализм означал для них капитуляцию перед Антантой, тем мировым порядком, в котором Германии было уготовано место колонии.

Разумеется, за такого рода идеями стоят вполне реальные социальные противоречия того времени, например, пролетаризация значительной части среднего класса и безработица среди молодых выпускников университетов, понижение социального статуса и зарплат у тех «белых воротничков», которые все же находили рабочие места. Революционные идеи часто приходят в головы молодых интеллектуалов, которые лишены перспективы роста и карьеры. Инфляция начала 1920-х гг. разорила бюргерство, мировой экономический кризис, начавшийся в октябре 1929 г., ударил сильнее всего по Германии (встала работавшая на экспорт промышленность) - голод и нищета стали уделом миллионов безработных. Именно в это время происходит окончательное оформление основных политических проектов «консервативной революции».

Любая классификация страдает односторонностью, но если брать исключительно политическую ориентацию множества авторов, кружков, печатных изданий и т.п. объединений, то хорошо заметны три различных течения. Каждое из них на свой манер сочетает цели внутренней и внешней политики, в каждом из них присутствует идея «немецкого социализма» («прусского», «национального», «народного», «солдатского» и т.п.). Каждый из трех проектов был связан с конкретными политическими группами и политиками последних лет Веймарской республики. При общем стремлении ликвидировать республику, разогнать парламент («говорильню» - *Schwaetzbude*) и уничтожить все партии, отменить Версальский договор, эти проекты различались по социально-экономическим целям внутри Германии и по геополитическим целям вовне. Все они желали «Третьего Рейха», но представления о нем были весьма различными, и, разумеется, все эти проекты отличались от национал-социализма и были ему более или менее враждебны, хотя бы потому, что расовая биология ими отвергалась как примитивный натурализм.

Первый из этих проектов иногда характеризуется термином позднего средневековья - «гибеллины». Работа Канторовича о Гогенштауфене была прочитана всеми идеологами этого направления, равно как и труд Л. Циглера о священной империи. Германия изначально была не нацией, но империей, а потому даже сам термин «нация» подвергается критике - это порождение либеральной эпохи. «Консервативная революция» здесь мыслится как восста-

новление вечной иерархии ценностей, а тем самым и истинной земной иерархии. Главным идеологом этого направления можно считать Эдгара Юлиуса Юнга. Он дал такое определение: «Консервативной революцией мы называем восстановление всех тех изначальных законов и ценностей, без которых человек утрачивает связь с природой и с Богом и не может установить никакой истинный порядок». Всякое общество иерархично, иерархии нет лишь в куче мусора; старые немецкие элиты привели страну к хаосу, новая аристократия должна восстановить порядок. Либерализм здесь предстает как орудие разложения и разрушения. Консерваторов и революционеров объединяет враждебность не только к либеральным ценностям, но и к самому типу либерального человека - торговашу и парламентскому болтуну, риторичному буржуа, представителю «внутренней Англии» в Германии. «Консерватизм есть исторически необходимый революционный принцип, посредством которого будет отменено либеральное столетие», - писал Юнг в 1934 г. Консерватором является вовсе не тот, кто хватается за настоящее или мечтает вернуться в прошлое, но тот, кто свергает «неполноценных», уничтожает разложившееся общество ради вечных ценностей.

Работа «Пруссачество и социализм» положила начало не соединению идей консерватизма и социализма вообще, но именно той его трактовке, которая господствовала среди так называемых «младоконсерваторов». Пруссачество - вот немецкий социализм, где сам король говорил о себе как о первом слуге или чиновнике государства. Каждый индивид здесь и работник, и солдат, занимающий свое место в иерархии. Промышленник или банкир является менеджером, т.е. офицером или генералом в нации - армии. Ответом на «восстание масс» является новая аристократия, ценности которой сверху вниз спускаются на массы. Хорошо известен взгляд Шпенглера на русский большевизм, который, по его мнению, вообще не имеет ничего общего с марксизмом, но представляет собой народный бунт против насильственно навязанной верхами западной городской цивилизации - об этом подробно говорится во втором томе «Заката Европы», а политические следствия выведены в докладе, произнесенном 14 февраля 1922 г. («*Das doprelantlitz Russlands und die deutschen Ostprobleme*»). Шпенглер в молодости начинал учить русский язык, придавал огромное значение русской литературе - еще в письме 1916 г. он писал о том, что

с Достоевского начинается новая культура, культура следующего тысячелетия (с которой «царизм и великая держава - Россия не имеют ничего общего») и сравнивал Достоевского с Данте и с Вольфрамом фон Эшенбахом. К «рабочему вопросу» на Западе происходящее в России не имеет никакого отношения, поскольку Россия представляет собой едва рождающуюся культуру, тогда как Запад вступил в эпоху цивилизации.

По существу, социализм для Шпенглера равнозначен цезаризму, истинными социалистами являются элиты, способные дисциплинированно служить высшей цели. Социализм такого рода не предполагает какого-либо особого экономического принципа: «Социализм, - писал Шпенглер в 1932 г., - предполагает частную собственность и присущую древним германцам радость от власти и добычи». В отличие от некоторых других «младокоисерваторов», которые все же пытались представить сословно-корпоративное государство как «немецкий социализм» (ссылаясь то на Фихте и Гегеля, то на О. Шпанна), Шпенглер высмеивал любой «коллективизм» как потребность человека черни раствориться в массе таких же слабых и недоразвитых. В «Годах решения» (1933) он писал, что его работа «Пруссачество и социализм» была неверно понята многими представителями «национального движения» - единственный социализм, о котором он говорил, сводится к воле и характеру, к прусской дисциплине.

Хотя Jungkonservative много писали об «органической демократии» и «немецком социализме», отличали себя от «реакционеров», желавших возврата к монархии, демократия здесь на деле сводится к сословному представительству, а социализм лишен всякого экономического содержания. Идеалом является авторитарное государство, все партии распускаются. Сохраняются прежние отношения собственности, но капиталистическая экономика регулируется и направляется государством. Итальянский фашизм подвергается критике за то, что идея корпоративного государства не была здесь реализована, равно как и за демагогическую мобилизацию масс. Власть прежних элит не должна ставиться под угрозу партийным аппаратом фашистской партии. Herrenklub Генриха фон Глейхена на конец 20-х - начало 30-х гг. XX в. был клубом промышленной, военной и дипломатической элиты, поддерживавшей планы Гинденбурга и его окружения - постепенно ликвидировать Веймарскую республику, сменив ее то ли на президент-

ский авторитарный режим, то ли на монархию. Собственно говоря, не имевшие за собой парламентского большинства кабинеты Брюнинга (он был членом «Июньского клуба» в начале 1920-х гг.) и фон Папена (члена «Клуба господ») осуществляли эту программу. Основные документы, вышедшие за подписью фон Папена, писались в 1932 г. ведущим идеологом «Клуба господ» Шотте, в 1933 г. его секретарем стал Э.Ю. Юнг.

Геополитические планы после восстановления «закона и порядка» заключались в отмене Версальского договора, ремилитаризации, усилении роли Германии в Европе. При всей вражде к Антанте это не исключало будущего союза с Францией (сторонником его был фон Папен) в совместном военном походе против Советской России. Национал-социалисты после выборов 1930 г. стали опасными конкурентами, и в этих кругах не раз дебатировался вопрос об одновременном запрете нацистской и коммунистической партии. Но в нацистах видели и потенциальных союзников в борьбе с «системой» (как именовалась Веймарская республика), их пытались «приручить». Хорошо известно, к чему это привело в январе 1933 г.: мечтавшие о восстановлении своей власти старые элиты оказались сметенными за пару месяцев и в большинстве своем стали служить новому порядку. Пытавшиеся противостоять были уничтожены, как Э.Ю. Юнг.

Безусловно, немецкое сопротивление нацизму, ряд заговоров, вплоть до покушения на Гитлера в июле 1944 г., были героическими деяниями представителей этих элит, прежде всего прусского офицерства. Но на них лежит и огромная ответственность за приход Гитлера к власти, а идея христианского Запада как империи (при доминирующей роли Германии) приобрела черты «нового порядка» и невиданного в истории варварства «расы господ». Пересмотр прежних позиций немецкими консерваторами начался слишком поздно. Только в эмиграции Герман Раушнинг мог написать в «Революции нигилизма» (1938): «Консерватизм как старой, так и новой чеканки стал жертвой ошибки, отождествив собственные политические принципы с лозунгами крайнего шовинизма. Консерватизм, конечно, национален, но не шовинистичен. Шовинизм есть революционная по своему происхождению форма якобинства. Консерватизм и монархизм видят свою задачу в установлении и сохранении долговременного порядка, тогда как национализм в узком смысле слова есть динамит, подрывающий всякий

порядок. В нашем нынешнем западноевропейском положении консерватизм возможен лишь как федерализм, но никак не в смысле империи или гегемонии». Но к этим идеям немецкие элиты придут лишь в итоге сокрушительного поражения в развязанной ими войне.

Второй проект - по аналогии с первым - также часто называли, употребляя давнее слово «гвельфы». Хотя в прошлом оно означало партию, поддерживавшую папу в средневековых итальянских городах, уместно оно хотя бы потому, что представители этого течения считали, что империя равнозначна федерации или конфедерации народов Центральной и Восточной Европы. Основные идеи «гвельфов» были сформулированы еще в начале 1920-х гг. в «Третьем Рейхе» и «Праве молодых народов» Меллером ван ден Бруком. Он был не только сторонником Ostorientierung, но и сторонником «немецкого социализма», образцом которого и для него служила Пруссия. У каждого народа, - писал Меллер в 1920 г., - свой собственный социализм. Большевизм есть русский социализм и столь же русским является то, что направляющая это движение воля находится в голове татарского деспота, засевшего в Кремле белых царей. Его стражу составляют азиаты, палачами у него служат китайцы. Из тех же самых миллионов, которые два года назад оставили войну, ибо хотели мира и только мира, образовалось новое войско. Из всей промышленности страны, которая встала вместе с революцией, работают лишь те предприятия, которые производят оружие. Русский человек терпеливо сносит тяжкую власть милитаризма новой автократии. Прежнюю полицейскую автократию царизма он воспринимал как петербургскую и западную, т.е. чуждую и враждебную народу. Но автократия социализма была избрана им самим и он ей подчиняется, он готов сражаться и умирать под красным знаменем. Вторгаясь в Азию и угрожая Индии, большевизм вступает в конфликт с Англией, воюя с Польшей, он борется с Францией. «Он нацелен на наших врагов. Это связывает русский социализм с немецким. Не должны ли они совместно вести эту борьбу?».

Но немецкий социализм может вступить в союз с русским только в том случае, если большевики признают немецкий социализм в его особости, в его собственном праве. Большевизм мог возникнуть в стране с тонким правящим слоем, но он невозможен там, где вся нация вовлечена в организованный социальный поря-

док, где нет неграмотных, где народ привык к цивилизованной жизни, а пролетариат управляет сложными станками. Большевизм невозможен в Германии, но в ней возможен социализм. Большевизм возможен только в стране катастроф и разрывов, он динамичен. Социализм по-немецки - статичен, организован. Насажение монгольского ига и террора в Германии вызывает законное сопротивление. Различие двух социализмов в конечном счете упирается в различие русского и немецкого человека. Если признать это (и не навязывать непригодное другим), то возможен союз и совместная борьба с Западом.

Вывод Меллера таков: для нас возможна только восточная ориентация, а тот, кто ныне продолжает говорить об ориентации на Запад, ничего не понял в завершившейся войне. Войну с Западом немцы проиграли, тем самым социализм проиграл войну либерализму. «Молодые народы проиграли эту войну старым. Это осознала Россия. Поэтому она продолжает борьбу, ту борьбу, в которой рухнула Германия». Запад все равно будет вести войну с Россией, а от немцев, как от вассалов, будут требовать принять в ней участие - вот весь смысл ориентации на Запад.

Социализм неизбежен во всех странах, но он повсюду будет иметь свои особенности, свои жизненные формы. «В России он приобрел автократические формы. В Германии он примет корпоративную форму». Большевизм Германии не нужен, даже если он обойдется без террора. Немецкий социализм вообще не имеет ничего общего с классовой борьбой, он не обещает рая земного для пролетариев. Сегодня угнетаются и эксплуатируются не классы, а нации, и для «молодых наций» невозможна иная политика, кроме той, что кладет конец угнетению.

Возглавляемый Меллером Juniklub в начале 1920-х гг. объединял людей самой различной политической ориентации (иные из них, как фон Глейхен, после самоубийства Меллера в 1925 г. далеко отошли от его идей). К концу 1920-х основным выразителем этой идеологии был необычайно популярный и влиятельный журнал «Die Tat», возглавляемый Хансом Церером, который привлек к работе ряд талантливых публицистов, вроде экономиста Ф. Фрида или специалиста по Восточной Европе Г. Вирзинга. Существовали и другие группы и журналы, в частности журнал «Nahen Osten» последователя и издателя Меллера - Ханса Шварца. Основные идеи этого направления нашли свое выражение в трудах еще цело-

го ряда популярных в то время авторов, например, Августа Виннига, в прошлом занимавшего видный пост в социал-демократической партии, но исключенного из нее за участие в Капповском путче, или Вернера Зомбарта с его экономическими и социологическими работами 1920-1930-х гг. (важнейшая из этих работ, «Немецкий социализм», вышла в 1934 г.). Стоит отметить и то, что сходные идеи получили распространение и среди части социал-демократов («молодых социалистов», журнал «Neue Blätter fuer den Sozialismus») и представителей «левого» крыла в НСДАП (братья Штрассеры).

Представители этого направления в отличие от гибеллинов употребляли слова «социализм» и «революция» всерьез. Не будь словосочетание «национал-социализм» прочно связано с партией Гитлера, их вполне можно было бы характеризовать именно как «национальных социалистов». Еще в 1921 г. «Июньский клуб» вышел из щедро финансируемой немецким капиталом «Антибольшевистской лиги», поскольку идею «республики Советов» Меллер и его последователи считали вполне приемлемой. Революцию 1918 г. они критикуют именно потому, что она не была достаточно радикальной: вожди социал-демократии оказались мещанами и партийными карьеристами, желающими лишь места депутата в парламенте. Марксизм отвергается и потому, что он интернационален, а не национален, и потому, что он является зеркальным отображением либеральной доктрины - в обоих случаях доминируют экономический материализм и детерминизм. Марксистская доктрина есть порождение специфических условий Англии середины XIX в., она совершенно не учитывает роли государства в экономике и была опровергнута эпохой империализма и мировой войной. Основанием доктрин свободной торговли, мирового рынка было господство Англии в XIX в., а после войны - Англии и США. Германии в этой системе уделено место колонии.

Именно поэтому примером для Германии должна служить Советская Россия, которая путем радикальной революции избавилась от прежней капиталистической элиты, выступавшей за включение в мировой рынок, и разорвала цепи, выйдя из системы колониального угнетения. Германия должна идти тем же путем, более того, она должна способствовать антиколониальным революциям других народов. Но для этого необходимо свергнуть власть тех, кого марксисты называли «компрадорской буржуазией», т.е. при-

казчиков и полицейских мирового капитализма. «Консервативная революция» мыслится здесь как соединение социальной и национально-освободительной революции. Истина социализма заключается в том, что рабочее движение вело на протяжении XIX в. борьбу за подъем, за интеграцию в нацию исключенных из нее пролетариев. Итогом этой борьбы оказалось индустриальное общество, в котором все являются работниками. Разделение труда делает всех тружениками огромной машины, которой нужны квалифицированные специалисты, а не рантье, по одну сторону, или лишь продающие свою рабочую силу, по другую сторону. Эпоха свободной конкуренции привела к возникновению картелей, трестов, концернов, которые тесно связаны с государством, с механизмами регулирования и планирования. Этот целостный социально-экономический и технический организм уже не может оставаться классовым государством. Субъектом истории перестает быть тот или иной класс, им становится весь народ (Volk). «Революция справа» в этом смысле есть продолжение и завершение «революции слева», ибо именно она завершает становление бесклассового государства.

В условиях начавшегося в 1929 г. экономического кризиса публицисты журнала Die Tat идут еще дальше. Церер и Фрид убеждены в том, что век капитализма завершается. Собственно говоря, они развивают идеи Зомбарта о «позднем капитализме» (именно он, а не теоретики Франкфуртской школы, ввел этот термин). Фаза стагнации перешла в разрушивший мировой рынок кризис, принципы либерализма и свободной торговли доказали свою полную несостоятельность. Страны «священного союза капитализма», Англия и Франция, еще выживают за счет своих колоний, а США за счет Латинской Америки (доктрина Монро), но Германия колониями не обладает, а потому она способна защищать свой суверенитет только в борьбе против международной капиталистической системы. Это означает выход из системы, автаркию, а это требует реаграризации Германии, чтобы снабжать себя основными продуктами питания. Выводы отсюда делаются радикальные. Церер и Фрид требуют введения государственной монополии на внешнюю торговлю, национализации банков, угольной и сталелитейной промышленности, морского и речного транспорта. Налоги на наследство должны существенно возрасти, требуются законы, регулирующие операции на бирже. Реаграризация предполагает на-

ционализацию поместий юнкеров, которые затем должны преобразовываться в кооперативы мелких собственников - крестьян.

Значительная часть социал-демократической программы, которую не решились в 1918 г. реализовать трусливые вожди социал-демократии, должна быть осуществлена движением, которое объединяет крайне левых и крайне правых и ориентируется на мелкую буржуазию, «белых воротничков», крестьян, чиновников - все они пострадали от экономического кризиса ничуть не меньше рабочих и быстро революционизируются. Во внешней политике этот проект предполагает конфедерацию стран Центральной и Восточной Европы - в противостоянии с Западом. *Mitteleuropa, Zwischeneuropa* - вот главное направление немецкой политики. Эта конфедерация может оказаться в союзнических отношениях с Советской Россией, и тогда единое экономическое пространство будет от Рейна до Владивостока. *Ostorientierung* не означает здесь *Drang nach Osten*, каких бы то ни было захватов, но мирное и взаимовыгодное сотрудничество со странами, которые ничуть не меньше Германии стали полуколониями Франции и Англии. Начиная с Меллера ван ден Брука, гвельфы отличались изрядной русофилией, а Достоевский у них вообще является одним из чаще всего цитируемых авторов. В то же самое время они подчеркивают отличия немецкого социализма от русского, что связано с иной культурной традицией. Германия выступает истинным центром, серединой между западной рациональностью и восточным мистицизмом и квиетизмом. Пруссия, исторически возникшая из смешения немцев со славянами и литовцами, является своего рода мостом. Изначально националистический проект становится проектом конфедерации, что позволяет решить проблему национальных меньшинств (прежде всего - самих немцев в Судетах и Верхней Силезии).

В начале 1930-х гг. эта идеология была связана с политикой генерала фон Шлейхера, последнего канцлера Веймарской республики. О его связях с журналом «Die Tat» хорошо известно, имеются сведения о поддержке политической программы генерала частью крупной промышленности, причем наиболее современных отраслей (электротехника, химия), тогда как фон Папена, и в особенности Гитлера, поддерживали Крупп и другие «бароны» старых отраслей промышленности. Получивший прозвище «социальный генерал» фон Шлейхер хотел опереться на профсоюзы и отко-

лоть от НСДАП левое крыло Г. Штрассера, переговоры шли и с социал-демократами. Эта коалиция так и не состоялась, а старый рейхспрезидент Гинденбург под влиянием своего окружения и в особенности фон Папена вручил власть Гитлеру. Генерал фон Шлейхер был застрелен вместе с женой 30 июня 1934 г.

Третий проект не мог получить какого-либо средневекового названия, поскольку тут мы имеем дело с идеологией, к которой термин «консерватизм» вообще может быть применен только со множеством оговорок. Одна из многочисленных небольших организаций, возглавляемая Эрнстом Никишем, дала ему наименование «национал-большевизм». В действительности таких групп было много, просто Никиш был самым талантливым в этих кругах мыслителем и публицистом. Первая группа - «гамбургский национал-коммунизм» (Вольфхайм, Лауфенберг) - возникла еще в начале 1919 г., и с апреля 1920 г. существовала под названием «Коммунистическая рабочая партия Германии», которая вела яростную борьбу с подчинявшейся Москве компартией. Но и в самой КПП периодически появлялись националистические тенденции (так называемый *Scheringerkurs* на 1931 г.). Коммунисты активно поддерживали *Landvolkbewegung*, в котором социальные требования крестьян соединились с национальными. Ранее уже упоминалась *Freikorps Oberland* во главе с Беппо Ремером; в 1920-е гг. существовало несколько групп *buendnischer Sozialismus*, в 1930-е - *Gruppe Sozialrevolutionaere Nationalisten* (Карл Отто Петель), называемый по имени журнала «*Gegnerkreis*» во главе с Харро Шульце-Бойзенем, который затем эволюционирует к коммунизму, возглавляет одну из самых значительных групп Сопротивления «Красная Капелла» - она была целиком расстреляна в 1942 г. Журнал «*Widerstand*» Никиша был главным печатным органом, а наиболее оригинальным мыслителем здесь является формально не входивший ни в одну из групп Эрнст Юнгер.

Целью всех этих групп была социалистическая революция, которая одновременно выступала как национальная. Если гвельфы смотрят в прошлое, а гвельфы все же хотят спасти какие-то элементы сословного государства, то в «солдатском социализме» Юнгера и национал-большевизме Никиша прежнее общественное устройство отвергается полностью. Исходный пункт здесь национальный - либеральный капитализм воспрепятствовал тотальной мобилизации экономики во время войны, а потому она была про-

играна. Обновление немецкого государства означает избавление не только от либерализма и парламентаризма; нельзя удовлетвориться авторитарным режимом вроде итальянского фашизма; в Гитлере тут видят наемника крупного капитала, он - «проклятие Германии» (так называлась вышедшая в 1932 г. брошюра Никита). Пруссия является образцом и для Никиша, который считал фашизм порождением католического «Юга». Для возрождения Германии нужно истребить власть денег и деление на классы, необходимы плановая экономика, коллективизация сельского хозяйства и уничтожение юнкерского сословия. Все это - программа национальной революции. *Ostorientierung* означает здесь экономический и военный союз с Советской Россией. Никиш, посетив СССР в 1931 г., в своих статьях прославляет опыт пятилетки, индустриализации и коллективизации, и пишет о том, что планирование у поработанных народов не может быть менее глобальным и менее тотальным, чем у тех, кто их поработил. Революция должна распространиться на все колониальные страны. Пятилетний план в России демонстрирует всему миру, на какие жертвы может пойти народ, которому угрожает мировая капиталистическая система¹. Век личных свобод кончился, пришла эпоха «коллективного планирования».

¹ Достаточно сравнить взгляд Никиша на индустриализацию в СССР с воззрениями гибеллинов и гвельфов, чтобы понять различия и в остальных позициях. Журнал Церера «Die Tat» помещает осторожные аналитические статьи, в которых не отрицается чудовищная жесткость коллективизации и индустриализации в условиях диктатуры, но выводы делаются реалистичные: Советская Россия быстро меняется, она способна стать как полезным союзником, так и опасным соперником Германии. В журнале гибеллинов «Der Ring» пятилетние планы высмеиваются как «потемкинские деревни». Шпенглер был близок именно этому - достаточно близорукому - взгляду. В «Годах решения» он писал о том, что ничего кроме варварского насилия и угрозы голодной смерти «азиатская деспотия» не принесла и не принесет. Большеизм в России умер - это единственная держава, которой он не угрожает, поскольку большеизм есть продукт разложения городской цивилизации Запада, тогда как в России она была просто сметена во время революции. Всякий социализм ведет к всевластию бюрократии, а в СССР попытки его осуществления привели к одичанию и голоду, которые способно сносить только «слабовольная и рожденная для рабского существования раса». Опасность эта азиатская деспотия представляет для Запада лишь потому, что она ведет подрывную пропаганду в колониях - таков вывод Шпенглера.

Рабочий у Юнгера и Никиша - это новый человеческий тип, в жизненном мире рабочего доминирует не индивидуальность, но дисциплина и разделение труда; свобода понимается как наличие работы, возможность творческой деятельности, а не как свобода бездельника-рантье или парламентская говорильня. Рабочий готов подчиняться суровой реальности совместного труда и исполнять приказы тех, кто наделен техническими и организационными талантами. Правят те, в ком рабочий видит «первого слугу, первого солдата, первого рабочего». Рабочий - это одновременно солдат, завоевывающий мир с помощью техники и преобразующий мир в «технический ландшафт», «имперское пространство». Природа организуется и видится в перспективе технического господства, а сама человеческая природа меняется вместе с искусственными органами техники и промышленности.

Эта социальная и техническая утопия, равно как и «тотальное» прочтение истории напоминает не столько консерватизм, сколько труды левых гегельянцев (превращение «класса в себе» в «класс для себя» у Лукача, диалектику господина и раба у Коже-ва). Здесь отсутствуют какие бы то ни было отсылки к немецкому романтизму, характерные для всех немецких консерваторов. На место *Gemeinschaft* тут приходят тотальная мобилизация и планетарная техника. Исходный национализм сменяется универсальным образом всемирной революции и царства труда (у Никиша в этом смысле наиболее характерна работа «Третья имперская фигура»). Конец этого проекта был тем же, что и у остальных - внутренняя эмиграция одних, участие в Соппротивлении других. По процессу подпольной организации Никиша проходило более ста человек, а сам он был приговорен к пожизненному заключению. Последней политической программой этой ориентации являются документы *Das Nationalkommittee Freies Deutschland*.

Общим для всех трех проектов является не только отрицание Версаля и Веймара. Все они объединяют немецких националистов, которые приходят к тому или иному наднациональному проекту: западная цивилизация и объединенная христианскими ценностями в империю Европа у гибеллинов, конфедерация народов Центральной и Восточной Европы у гвельфов или универсализм царства рабочего в национал-большевизме. И все отличаются от того проекта, который был осуществлен национал-социализмом. «Консервативная революция» не была чем-то вроде «троцкизма» в рам-

ках национал-социализма, как определил ее Армии Молер. Это сближение с нацизмом, естественное для автора, который, будучи швейцарцем, перебрался в Германию, чтобы добровольцем вступить в Waffen SS, в дальнейшем переходило из одной книги в другую. Формула оказалась удобной для тех, кто во всяком немецком национализме видит либо предшественников, либо пособников национал-социализма.

Конечно, нечто общее с «консервативной революцией» имелось в нацистской пропаганде Геббельса (в прошлом - «левого», близкого братьям Штрассерам); даже Розенберг в «Мифе XX века» писал: «Тот, кто желает сегодня быть националистом, должен быть социалистом. И наоборот, социализм фронтовых серых шинелей 1914-1918 гг. станет государственной жизнью». Но для Гитлера и его окружения «социализм» был лишь демагогическим лозунгом. Отличия от «консервативной революции» связаны не только с тем, что ее идеологи не были расистами. Во внешней политике тот же Розенберг - вслед за известными тезисами Гитлера в «Mein Kampf» - видит главную цель национал-социализма в завоевании «жизненного пространства» на Востоке «для миллионов будущих немцев». Им отвергается имперский проект гибеллинов - любое такое объединение будет «Франко-Иудеей», а не Европой. Еще резче он пишет о проекте гвельфов: без расового базиса Mit-teleuropa будет служить чуждым Германии интересам, тогда как национал-социализм озабочен исключительно защитой интересов нордического человека. Целью является германизация Европы, а у России нужно отнять Украину и Кавказ. Поэтому он прямо обрушивается на Меллера и его наследников, писавших о возможном союзе Германии как с Советской Россией, так и с народами колоний в борьбе с Антантой. Расово неполноценные не имеют никаких прав, и нечего давать свободу всяким неграм и азиатам, им следует оставаться во власти нордической Англии. Розенберг выступает за союз с Британией и Италией, направленный против России (то, что Британия вообще вступила в войну с Германией в 1914 г., объясняется происками еврейских финансистов). Есть интересы белой расы, а потому Британии нужно даже помочь в правлении Индией. Розенберг критикует и Шпенглера за пессимизм «Заката Европы» (правда, даже по претенциозной стилистике хорошо заметно, насколько автор находился под влиянием Шпенглера).

Взгляд на Россию этого прибалтийского немца хорошо известен: ее населяет смешанное с татарами дикое население, которое является законной «добычей» для германцев. После войны Розенберг был повешен не за свои теоретизирования, но за то, как эти планы под его руководством осуществлялись на оккупированных территориях. Все проекты «консервативной революции» принадлежат исторической ситуации, которая изменилась вместе с приходом Гитлера к власти. После войны и в условиях противостояния двух блоков все они утратили всякую актуальность. Немецкие консерваторы, которые видели в Америке главного врага в 1920-е годы, стали лучшими учениками и союзниками, тогда как сторонники «немецкого социализма», желавшие быть союзниками СССР, могли теперь быть только исполнителями приказов из Москвы. Конечно, у «консервативной революции» были наследники. В теории к ней восходят концепции индустриально-технического общества Гелена, Фрейера, Форстхоффа, в какой-то мере последователями можно считать часть немецких правых (скажем, из журнала «Criti-con»). Но это уже не консерваторы, а «новые правые», которые выступают как яростные противники любой плановой экономики. Любопытно то, что и правые и левые в сегодняшней Германии сходным образом фальсифицируют историю, сводя «консервативную революцию» к национализму и шовинизму - одни со знаком «плюс», другие со знаком «минус». И тем и другим не хочется вспоминать о том, что немецкие консерваторы были сторонниками социализма, понимали его радикальнее и глубже, чем «левые», да еще были яростными противниками Рах americana, что на сегодняшний день является поводом для немедленного обвинения в «правом экстремизме» (если не «национал-социализме»).

В любом случае для Германии «консервативная революция» является историей, здесь отсутствуют какие бы то ни было условия для ее возобновления. Этого нельзя сказать о других странах. На протяжении 1960-1970-х гг. в самых разных странах существовали движения, столь часто называвшиеся одним словосочетанием FLN - фронт национального освобождения, сочетавшие национализм и социализм. В России сегодня есть партии прямо заимствующие основные лозунги «консервативной революции» - от автаркии и цезаризма («регулируемой демократии») до «национал-большевизма». В любой стране, включенность в мировой рынок

для которой сводится к роли поставщика сырых материалов, где десяткам миллионов нищих противостоит прозападная элита, идеи «консервативной революции» вновь обретают плоть и кровь. История не завершилась, ее ход вряд ли пойдет по сценарию Фукуямы или Бжезиньского. Мы не знаем, какие идеи будут в умах мексиканцев или индийцев, китайцев или индонезийцев через полвека. Как говорится в титрах под конец фильма Кустурицы «Underground»: «This history has no end».